2. Малашенко А.В. Неприятие фундаментализма как его зеркальное отражение // НГ-религии. 1997. 25 дек.
3. Примаков Е.М. История одного сговора. М., 1981. С. 248-250.
4. Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте. М., 2003. С. 84, 84-85, 88-89, 91-92.
5. Сейджман Марк. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008.
6. Voll J.O. Islam: Continuity and Change in the Modern World. Boulder, 1982. P. 354-355.
7. Ат-Тураби Х. Аль-Харака аль-исламийя фи ас-Судан (Исламское движение в Судане). б.м. б.г. С. 4-5.
8. Ерасов Б. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1990. С. 73, 147-148.
9. Ruthven M. Islam in the World. N.Y., Oxford, 1984. P. 308.
10. Лапин Я. «Аль-Каида»: провал или «окно возможностей»? // THE JERUSALEM POST. 2011. 10 марта; С. 89.
11. Enayat H. Modern Islamic Political Thought. Austin, 1982. P. 84.
12. См., например: http://www.short-link.de/2054.
13. Пятничная проповедь Б. Мухаммеда в исламском институте «Кавказ» // Аль-КАФ. 1998. № 6.
14. Личный архив автора.
15. Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000. С. 48.

УДК 323.17

Кузина С.И., д. полит .н., проф.,
Федан М.А., зам.декана по заочному обучению РЮИ РПА МЮ РФ

Этническая идентичность как фактор самокатегоризации групп в политической системе России

В статье рассматриваются проблемы поиска этнической идентичности в многонациональном российском обществе, обосновывается необходимость баланса соотношения толерантности и этнической идентичности.

Ключевые слова и словосочетания: этнос; этническая идентичность, самокатегоризация; толерантность; интолерантность; мультикультурализм.

Теория этнической идентичности как вида социальной идентичности получила первоначальное оформление в трудах Х.Тэджфела [1] как идея социального поведения, обусловленного взаимодействием людей на двух уровнях: на межличностном и как представителей определенных общностей. Разработчик теории группового поведения Дж.Тернер пришел к выводу о чисто когнитивной природе идентичности как процесса самокатегоризации личности [2]. Одним из постулатов его теории является возможность существования категоризации на трех разных уровнях, соот-

ветствующих общечеловеческой, социальной и личностной идентичности. Э.Эриксон выделяет два взаимозависимых понятия – групповая идентичность и эго-идентичность. Групповая идентичность формируется с первого дня жизни ребенка, если его воспитание ориентировано на включение его в данную социальную группу, на выработку присущего данной группе мироощущения. Эго-идентичность формируется параллельно с групповой идентичностью и создает у субъекта чувство устойчивости своего Я, несмотря на те изменения, которые происходят с человеком в процессе его роста и развития [3].

Со второй половины XX века в современном мире наряду с процессами глобализации наблюдается заметный подъем этнического самосознания и поиска идентичности. Процессы роста этнической идентичности могут объясняться совокупностью причин:

- реакцией народов отставших в развитии стран на порождающую этнокультурное разделение труда экономическую и технологическую экспансию народов развитых государств;
- интенсификацией внутриэтнического взаимодействия в условиях мировой конкуренции, несмотря на процессы унификации материальной и духовной культуры;
- повышением влияния этнических общностей в экономике и политике и облегчением процессов их сплочения благодаря средствам массовой коммуникации.

При этом этнические общности оказываются в более выгодном положении, чем другие большие группы, например, классы, так как этнос рассматривается как группа, призванная обеспечивать экономические и политические преимущества. Этнос — не единственная группа, в осознании принадлежности к которой человек ищет опору в жизни. Среди таких групп можно назвать партии, религиозные организации, неформальные объединения молодежи и т.д. Многие люди целиком вовлекаются в орбиту таких групп, но опора оказывается не слишком устойчивой, ведь состав группы постоянно обновляется, она может прекратить свое существование, самого человека могут за какой-то проступок из группы исключить.

Этническая же общность устойчива во времени. Это межпоколенная группа, для нее характерна стабильность состава, человека невозможно «исключить» из этноса. Именно благодаря этим качествам этнос является для человека надежной группой поддержки. Правда, необходимо заметить, что в этнические общности в современном, особенно западном, обществе не имеют непререкаемых традиций, многие элементы их культуры – хозяйственная деятельность, жилище, пища, искусство, – интернализированы, поведение предков не рассматривается членами группы как эталон, – в отличие от традиционных обществ. Этнический статус чаще

всего остается неизменным на протяжении всей жизни человека. И все-таки этническая идентичность не статичное, а динамичное образование: процесс ее становления не заканчивается в подростковом возрасте. Внешние обстоятельства могут толкать человека любого возраста на переосмысление роли этнической принадлежности в его жизни, приводить к трансформации этнической идентичности.

Но, несмотря на инновации, любому обществу, чтобы самосохраниться и саморегулироваться, необходимо воспроизводить связи между поколениями. Более того, в современном мире наблюдаются изменения в настроениях людей – растет интерес к корням, к традициям и обычаям предшествующих поколений. Это изменение есть следствие международных конфликтов, опасности ядерной войны, экологической угрозы, терроризма. Человек ощущает нестабильность окружающего мира. Все больше людей склонны смотреть назад и вглубь, искать поддержку в семье, этносе, защиту в стабильных ценностях предков. Поэтому именно межпоколенные стабильные общности, прежде всего этносы, несмотря на наметившиеся тенденции к их ослаблению, приобретают столь существенное значение в жизни современного человека.

В подходе к проблеме природы поиска этнической идентичности в сообществах на примере Юга России можно выделить три позиции – 1) примордиальный подход, объясняющий этничность как врожденную характеристику, лежащую в основе этнического сознания и поведения, что достаточно сильно артикулировано в традиционной культуре народов Северного Кавказа; 2) инструментальный подход, в рамках которого этничность рассматривается как инструмент достижения целей сплочения и мобилизации группы, используемый политической элитой. Этничность активно используется как эффективное средство для преодоления отчуждения, восстановления попранной национальной гордости, как социальная терапия. Наиболее ярко этот инструмент был использован в нашей стране в 90-е годы прошлого века. Распад государства, разрушение экономики, привычного склада жизни, дестабилизация всех сфер жизни общества вызвал к жизни феномен использования политическим элитами нарождающихся республик «национальной карты» как эффективного мобилизующего средства в целях увеличения своего властного ресурса. Как следствие – в многонациональных субъектах выросла социальная напряженность, возникли межнациональные конфликты, произошли локальные войны, зародился и распространился терроризм. 3) социальный конструктивизм, рассматривающий этничность как форму социальной организации культурных различий и, соответственно, как изменчивое и подверженное манипуляциям явление группового сознания. Этническая идентификация рассматривается как социальный процесс, в котором понятия культурных различий заданы социальным контекстом и связаны с

процессом стратификации или борьбой за получение ресурсов. Этничность понимается как прямое следствие социальных конструкций (реальных и воображаемых), созданных писателями, учеными, идеологами, религиозными деятелями, политиками, и внедряемых в умы людей.

В модели формирования этнической идентичности этнокультурных групп можно выделить два основания – процесс самокатегоризации и стиль культурной адаптации (характер ценностей, отношений, установок и способов поведения). В многосоставных обществах с доминирующим этносом самокатегоризация групп этнических меньшинств может проходить путем:

– ассимиляции – утверждения связи с доминантной группой и ослабления связи с группой меньшинства;

– диссоциации – утверждения связи с меньшинством и игнорирования связи с большинством;

– аккультурации – признание значимости обеих групп, одновременная идентификация с ними;

– маргинализации – отрицание, игнорирование обеих идентификаций.

Поэтому можно говорить о двух способах конструирования личностью собственной этнической идентичности: посредством отождествления и идентификации и путем противопоставления, дифференциации. Доминирующий этнос осуществляет конструирование своей идентичности через закрепления языка как государственного, определение внутренних территориальных границ и обязательную национальную образовательную программу. Этническое меньшинство конструирует свою идентичность путем отталкивания культуры большинства, что потенциально содержит риск перерастания отталкивания в этническое противостояние и конфликт [4]. Баланс интересов может устанавливаться через согласование процессов образования единства этносов через обретение гражданской идентичности и их дифференциации – через становление этнической идентичности. Толерантность становится необходимым условием конструирования социальной идентичности личности с достижением единства и дифференциации гражданской и этнической идентичности. Актуальность приобретает проблема возможности и условий формирования толерантной этнической идентичности.

Толерантность как термин появился еще в эпоху Просвещения, но в арсенале отечественных общественных наук он закрепился лишь в начале 90-х годов XX века. Психологи его рассматривают как феномен личностной и коллективной психологии, культурологи – как феномен культуры определенных ее носителей. Кроме того, толерантность понимается как особая форма деятельности в различных сферах – экономической, политической, культурной и др. Есть у толерантности и политическое наполнение, когда ее рассматривают как элемент политики, применяемый в це-

лях стабилизации общества, предотвращения социальных конфликтов, в особенности на этнической почве.

Полиэтничность российского общества задает особые условия его функционирования: оно невозможно без взаимодействия составляющих его субъектов, и уже в силу этого нуждается в определенном уровне толерантности, терпимости каждого человека, как к собственной особости, так и к инаковости другого. Наиболее общее определение толерантности трактует ее как качество, присущее социальному субъекту, заключающееся в способности осознавать и принимать другой субъект как самостоятельный социокультурный феномен и осуществлять с ним социальное взаимодействие. Толерантность обычно рассматривается как социальный феномен. Но необходимо помнить, что человек как элемент биосферы обречен на сосуществование с другими элементами, следовательно, толерантность имеет еще и биологическую природу, заложенную в инстинкт самосохранения человека и его сообществ.

Толерантность обычно проходит через три фазы рефлексии в сознании индивида: сначала как осознание «другого» как социального субъекта, носителя другой культуры; далее – признание социокультурной равносубъектности «другого» (признание права на существование в социуме различных способов жизнедеятельности); и третья фаза – признание того, что культура «другого» является частью культуры всего человечества. Вторая фаза может разветвиться по двум направлениям: признание равносубъектности или ее отрицание. Им соответствуют и разные абстрактные модели поведения: толерантное или интолерантное. Но в реальности они могут не проявляться в чистом виде. В одном и том же человеке они могут переплетаться, сосуществовать. Одно дело – толерантно воспринимать чьи-либо привычки, обычаи, манеры на основе «должного» представления, и другое дело – толерантно относиться к конкретному носителю этих манер и обычаев, представителю другой веры, расы или этничности. И хотя «право на существование» за другим социальным феноменом законодательно закреплено в правовой системе большинства государств, но в обыденном сознании уровень толерантности почти всегда ассоциируется с неформальными нормами, различающими допустимость или недопустимость культурных явлений, присущих «другому». «Терпимость, граничащая с простой вежливостью, сглаживает противоречия, покрывает их пленкой, которая легко рвется при кризисе. Германия была очень цивилизованной страной, но экономический кризис 1929-1933 гг. содрал с нее покровы, создававшиеся сотни лет, и Адольф Гитлер стал фюрером и рейхсканцлером, а очарованные им толпы – штурмовиками и эсеэсовцами. Подлинный мир между народами складывается только в глубинах. Только на последней духовной глубине исчезает ненависть рас и вероисповеданий» [5].

Ценностное содержание толерантности в межэтнических и межконфессиональных отношениях в стабильном состоянии социальной системы, как правило, не востребовано. И только в условиях системного кризиса и межсистемного перехода происходит его актуализация, социальное взаимодействие переносится на уровень нормативно-ценностных систем, происходит их взаимная трансформация. Результаты трансформации могут быть для данного социального субъекта количественно более негативными, или более позитивными. Но даже в самой глубокой фазе кризиса, например, во время гражданской войны, нормативно-ценностная система субъектов, представляющая собой совокупность преследуемых целей и средств для их достижения, иногда проявляет свою спасительную адаптивность. Но чтобы трансформация ценностных систем стала не простым слагаемым разных культурных ценностей, а стала симбиозом качественно нового уровня, толерантность к культуре «другого» не должна быть просто помещением «другого» в свою систему координат. Необходимо знание нормативно-ценностной системы «другого», его «раскодировка» вплоть до метафизического ядра. Очевидно, что такой уровень толерантности может быть достигнут только при соответствующем интеллектуальном уровне взаимодействующих социальных субъектов.

Нормативно-ценностные системы являются продуктом не коллективного творчества масс, а только соответствующей интеллектуальной элиты. Не статусной или социальной элиты, а именно интеллектуальной, способной создавать новое знание, новые представления о мире и переводить их содержание в доступный массовому пониманию вербально-визуальный вид. Наличие в обществах таких интеллектуальных элит делает возможным трансформацию нормативно-ценностных систем обществ, достижения ценностного уровня толерантности, делающего возможным новый этап развития общества и придание его содержанию необходимых форм выражения.

Соотношение толерантности и идентичности зависит от наличия и «веса» двух позиций: противоположности и единства. Процесс самокатегоризации при поиске идентичности может проходить через утверждение несовместимости с «другими» и противопоставления толерантности и этнической идентичности – это позиция противоположности (противостояния).

Позиция единства устанавливается через утверждение взаимообусловленности этнической идентичности и толерантности, осознания их единства необходимым условием самосохранения поликультурного общества в условиях глобализации. Позиция противоположности является источником интолерантности в обществе, так как формируется путем отталкивания от «другого», – и чем ближе в социальном пространстве этот «другой», тем больше опасность и вероятность конфликта между ними.

Необходимость соблюдения принципа толерантности требует внимания к мнению и поведению другого, изменения собственного несогласия с его мировоззрением, попытки воспринять его точку зрения, встать на его позицию. Здесь опасность толерантности для этнических идентичностей заключается в их размывании и утрате, что находит отражение в ассимиляции этнических групп меньшинства этнической группой большинства и формировании общей для всего населения групповой идентичности при толерантном отношении к меньшинству со стороны государства. В рамках такого понимания соотношения этнической идентичности и толерантности современный национализм может рассматриваться как бунт идентичности против толерантности.

Однако политику идентичности без толерантности невозможно реализовать в современном обществе в условиях глобализации и мультикультурного разнообразия, плюрализма ценностей без обращения к силовому давлению и репрессивным мерам. Сторонники позиции единства идентичности и толерантности настаивают на том, что толерантность не приводит к ослаблению групповой идентичности, т.к. уважение к "иному" мнению, ценностям, поведению вовсе не предполагает обязательного согласия с тем или иным "отклоняющимся" верованием, мнением, поведением и т.д. Рассматривая толерантность в религиозно-философском аспекте, Дж. Ньюмен, например, определяет ее следующим образом: индивид должен толерантно относиться не столько к какому-то религиозному верованию, сколько в первую очередь принять возможность для другого человека иметь его[6]. Эта точка зрения представляется достаточно убедительной и приемлемой в смысле практической реализации принципа религиозной свободы. Действительно, верующему человеку, прежде всего, важно осознать, что другие люди имеют такие же, как и он, права исповедовать то или иное вероучение либо придерживаться атеистических убеждений. В теории мультикультурализма обосновывается необходимость реализации политики, компенсирующей несправедливые последствия «национального строительства» государств для различных существующих в обществе меньшинств [7].

Достаточное распространение получило понимание мультикультурализм как сохранение самостоятельности многих культур в общества без должного их объединения и согласования. Но о крахе идеологии мультикультурализма заговорили в Западной Европе после многочисленных вспышек насилия в последние годы на почве межнациональной и межрасовой ненависти. Потоки мигрантов в обеспеченную Европу привлекает ее сильная социальная политика, при этом в среде, например, ближневосточных мигрантов преобладают преимущественно иждивенческие настроения. Так, в Германии имеются турецкие семьи, уже в третьем поколении живущие на социальное пособие, при этом отторгающие социаль-

ные, этические нормы государства, за чей счет они живут. Что не может вызывать протест у определенной части немецких граждан, обеспокоенных тем, что 18% населения составляют иностранцы, преимущественно выходцы из исламских стран. При этом «…никакая другая группа мигрантов не практикует обычаев, настолько контрастирующих с немецким образом жизни, как живущие в Германии мусульмане, создающие настоящие «параллельные сообщества» и не желающие знать о стране проживания ничего, кроме адреса ближайшего бюро социальной службы» [8]. Даже политики высшего эшелона власти, такие, как С.Берлускони, говорят: «Мы не хотим, чтобы Италия становилась многокультурной, многонациональной страной» [9].

Вопрос соотношения толерантности и этнической идентичности остается чрезвычайно актуальной для современного российского общества. Существование идентичностей вовсе не обязательно противоречит толерантности. Угроза интолерантности и конфликтности в обществе возникает лишь в случаях нестабильности и проблемности со стороны идентичности. Необходимо обеспечивать условия максимального благоприятствования развитию и стабилизации групповых идентичностей. Интеграция общества должна быть основана на общих идентичностях, одной из наиболее важных из которых является этническая.

Литература

1. Агеев В.С. Исследование межгрупповых отношений в зарубежной социальной психологии// Вопросы психологии. 1980. №4; Tajfel H., Figment C, Billig M., Bundy R. Social categorization and intergroup behaviour//Europ. J. Of Soc. Psychol. 1971. № 1.

2. Turner J. The experimental social psychology of intergroup behaviour//Intergroup Behaviour/Eds J.Turner, H. Giles/ Oxford, 1981.; Сушков И.Р. Социально-психологическая теория Джона Тернера // Психологический журнал, 1993. Т. 14. № 3.

3. Эриксон Э. Детство и общество. СПб, 2000.; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

4. Хомяков М.Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства / В сб.: Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современном мире // http://www.ino-center.ru/doc/ IdentichnostiVRossii.pdf

5. Померанц Г. Прогресс формирует смердяковых намного быстрее, чем Карамазовых // Новая газета. 2011. №92. 22.08.. С.22.

6. Хомяков М. Б. Проблема толерантности в христианской философии. Екатеринбург, 2000. С. 5.

7. Barry B. Second Thoughts — and Some First Thoughts Revived // Paul Kelly (ed.) Multiculturalism Reconsidered. «Culture and Equality» and its Critics. Polity Press, 2002. Pp. 204–238.

8. Мирзаян Г., Сумленный С. Саррацин пугает, Каддафи покупает // Эксперт. – №35. – 6-12 сентября 2010. – С.21.

9. Цит по: Юсуповский А.М. Миграционные вызовы // http://www.perspectivy.info/srez/val/ migracionnyje_vyzovy_2007-01-01.htm